

СЕКЦІЯ 1

ФІЛОСОФСЬКІ ОСНОВИ ПРАВА ТА ДЕРЖАВИ

*Керівник секції: завідувач кафедри філософії, д. філос. н.,
професор О.М. Єременко*

*Секретар секції: доцент кафедри філософії, к. філос. н.,
доцент І.В. Шашиа*

ЕРЁМЕНКО АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
заведующий кафедры философии, доктор философских наук, профессор*

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В «КРИТИКЕ ЧИСТОГО РАЗУМА»

Способ мышления И. Канта не свободен от поэтических «вольностей». Если присмотреться внимательно, мы обнаружим в тексте «Критики чистого разума» ряд сквозных метафор. На наш взгляд, анализ метафорических рядов «Критики» позволяет если не раскрыть, то приоткрыть завесу творческой лаборатории Канта. Как это ни странно, наиболее репрезентативным в «Критике чистого разума» оказывается военный метафорический ряд. Впрочем, он является «военным» в широком смысле слова: сюда входят не только метафоры, связанные с войной, но также бойцовско-спортивные, дуэльные и юридические метафоры.

В разделе «Антитетика чистого разума» Кант показывает, что когда разум распространяет основоположения рассудка за пределы опыта, то возникают положения, которые хотя и не подтверждаются опытом, но и не могут быть опытом опровергнуты. Мыслители, защищающие подобные положения, уподобляются участникам судебного поединка: «Эти умствующие утверждения открывают, следовательно, диалектическую арену для борьбы, где всякий раз побеждает та сторона, которой позволено начать нападение, а терпит поражение, разумеется, та сторона, которая вынуждена только обороняться. Поэтому вооружённый рыцарь, всё равно, ратует ли он за доброе или дурное дело, может быть уверен в победе, если только заботится о том, чтобы иметь привилегию нанести удар последним и не быть обязанным выдерживать новое нападение противника» [1, с. 338-339].

Иногда вместо военной метафоры Кант применяет атлетическую. Догматик уподобляется борцу, «который хочет доказать честь и бесс-

порные права своих единомышленников тем, что берётся драться со всяким, кто усомнился бы в этих правах, хотя такое хвастовство нисколько не решает вопроса, а лишь показывает относительную силу противников, да и то лишь на той стороне, которая держится задиристо» [1, с. 590]. Итак, философские дискуссии между догматическими противниками подобны поединкам бретёров, в которых побеждает тот, кому удалось нанести последний удар. Но это формальная, кажущаяся победа: ведь в следующий раз последний удар может остаться за противником.

Далее мы встречаем военную метафору уже в трансцендентальном учении о методе. Нужно сказать, что именно этот раздел «Критики» содержит «львиную» долю военных метафор. Создаётся впечатление, что иногда И. Кант смакует яркие военные метафоры. «Тот, кто принесит с собой только догматическое оружие для отражения нападков со стороны противника и не умеет развернуть скрытую диалектику, присущую ему не менее чем противнику...» [1, с. 564]. Диалектика подобна скрытым резервам, припрятанным с обеих сторон и вводимым в решающий момент сражения.

Интересно, что в данном контексте военная метафористика порой приобретает педагогические коннотации. Кенигсбергский мудрец рассуждает здесь о неэффективности интеллектуальной опеки в деле воспитания молодого поколения. Кажется, что *для данного момента* было бы благотворно «взять ненадолго под опеку разум молодёжи» [1, с. 564]. Но если впоследствии молодым людям попадут в руки сочинения противоборствующей стороны, столь же оснащённые диалектическим оружием, устоят ли молодые люди от искушения «жадными глотками выпить яд, догматически разрушающий» ранее внушённые им «благие» основоположения? [1, с. 564]. То есть, говоря языком военной метафористики, не станут ли молодые догматики перебежчиками, узрев красоту мундиров и блеск оружия в стане врага? Следовательно, необходимо вооружить юношу оружием критики, которая покажет ему не только мнимость доводов противоборствующих сторон, но и мнимость того, за что они сражаются.

Перед нами развёртывается как бы «подлинная», эзотерическая история чистого разума. Древние кочевники-скептики с переменным успехом были отбиты оседлыми земледельцами-догматиками. Но между догматиками начались споры и стычки за земельные (то есть опытные) наделы. В этих стычках нападающая сторона всегда имела преимущество. Но вот является трансцендентальный философ и воздвигает на землях догматиков хорошо укреплённый замок, возвышающийся на твердом (прочном) основании опытных данных. Теперь все догматики обращаются против него. Но трансцендентальный критик легко отбивает их неумелые атаки. Со спокойным мужеством взирает разум с бастионов трансцендентальной критики на детскую забаву неприятеля. Зачем же он пришёл в их земли? С какой целью воздвигнул критическую твердыню? Для того, чтобы, во-первых, показать догматикам тщету их борьбы, а во-вторых, дать (принести) закон, регулирующий конфликты в научном сообществе.

Иногда Кант явно и недвусмысленно описывает критический метод в терминах судебного права: «Критику чистого разума можно рассматривать как настоящее судилище для всех его споров; действительно, в эти споры, непосредственно касающиеся объектов, она не вмешивается, а предназначена для того, чтобы определить права разума вообще и судить о них по основоположениям его первой инстанции» [1, с. 562].

Но трансцендентальная критика – не просто «судилище». Это, своего рода, высший апелляционный суд, возможно, международный трибунал. «Без критики разум находится как бы в естественном состоянии и может отстоять свои утверждения и претензии или обеспечить их не иначе как посредством *войны*. [...] В естественном состоянии конец спору кладёт *победа*, которой хвалятся обе стороны и за которой большей частью следует лишь непрочный мир, устанавливаемый вмешавшимся в дело начальством; в правовом же состоянии дело кончается *приговором*, который, проникая здесь в самый источник споров, должен обеспечить вечный мир» [1, с. 562]. Итак, мы видим, что разум только тогда выступает как последний судья, когда он считает себя всевышним, последней инстанцией, то есть выступает как последняя юридическая инстанция. Кант как бы говорит, хотите закон познания, тогда вы не должны посягать на права чистого разума. Иначе всякая логика познания разрушается, и вместо высшего судьи, мы можем наблюдать локальные войны частных догматических или скептических разумов.

Последовательно осуществляемая ирония по отношению к воинственно-хвастливым догматикам, как это ни странно, переводит военную метафористику в мистическую. «Таким образом, в сфере чистого разума не бывает настоящей полемики. Обе стороны толкут воду в ступе и дерутся со своими тенями, так как они выходят за пределы природы, туда, где для их догматических уловок нет ничего, что можно было бы схватить и удержать. Они могут бороться сколько угодно; тени, разрушаемые ими, мгновенно сростаются вновь, как герои в Валгалле, чтобы опять развлекаться бескровными битвами» [1, с. 565].

Впрочем, мистицизм здесь кажущийся, он окрашен в иронические тона. Кант, несомненно, не верит в Валгаллу. Он как бы вразумляет догматических бретёров: приглядитесь внимательнее – вы сражаетесь за призрачные цели, более того, – сражаетесь с призраками (типа ветряных мельниц Дон Кихота). Все эти метафизические войны оказываются как бы образами «догматического сна», от которого сам Кант пробудился и теперь призывает пробудиться коллег.

В таком подходе обнаруживается рефлексивность кантовского дискурса (вечный спор между логикой дискурса и метафизикой (метафорикой) диалектики). Честность и пристальность его взгляда, направленного на строение чистого разума, впечатляет. Мы отчетливо слышим, что «необходимо истребить самый источник споров, заложенный в природе человеческого разума...» [1, с. 579]. Здесь снова слышится голос Канта-миротворца. Но как истребить этот источник? И где именно он находится? Ответ кенигсбергского мудреца поразителен: «Но противника мы должны здесь всегда искать в самих себе,

так как спекулятивный разум в своём трансцендентальном применении *сам по себе* диалектичен. Возражения, которые могли бы вызвать опасения, заложены в нас самих» [1, с. 579]. Призраки Валгаллы гнездятся в самой сердцевине чистого разума. Мы отмечаем уже черты размеченного Кантом разума: воинственен и экспансивен не только спекулятивный разум, воинственность скрывается и в глубинах трансцендентального разума.

И поскольку Кант уже отчетливо видит границы чувственного, логического и метафизического познания (которые не видело ни эмпирическое, ни сенсуалистическое, ни рациональное мышление предшественников), он намечает переход от чистого к рассудочному и затем практическому разуму. «Практическому интересу нет никакого дела» до полёта мысли чистой спекуляции [1, с. 578-579]. «Итак, в сфере практики у разума есть владения, законность которых он не должен, да и не мог бы доказывать» [1, с. 579]. Практика – настоящее, незыблемое и неоспоримое поле владения разума. Именно в практике, в действии, происходящем в настоящем, сталкиваются все виды познания.

Мы стремились показать, что этот метафорически-смысловой подход, который прослеживается в творчестве Канта, приводит нас к пониманию новых смысловых границ его творчества, к пониманию того, что Кант оказался не только блестящим логиком, метафизиком и тонким ценителем диалектики, но он прекрасно чувствовал и смысловое (логическое, метафизическое и научное) напряжение понятий, то есть был близок к лингвистической трактовке чистого разума. Понимание тех границ, которые потребовало бы лингвистическое и семантическое осмысление чистого разума, пришло гораздо позже (в конце XIX в.), и лингвистический поворот философии XX в. лишь воплотил те идеи, которые Кант осуществлял в своей метафоре.

Список использованной литературы:

1. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант // Критика чистого разума. – М.: Эксмо, 2006. – 736 с.

Ключові слова: І. Кант, метафора, розум, діалектика, трансценденталізм.

Ключевые слова: И. Кант, метафора, разум, диалектика, трансцендентализм.

Key words: I. Kant, metaphor, reason, dialectics, transcendentalism.